

РЕЦЕПЦИЯ РОМАНА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» В ТУРЦИИ: ПЕРЕВОД, КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ, ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ*

 Firengiz PAŞAYEVA YUNUS^a

Аннотация

Статья посвящена исследованию восприятия и перевода произведений Ф. М. Достоевского в Турции, с особым вниманием к роману «Преступление и наказание». Работа рассматривает культурные, исторические и социальные факторы, которые определяют восприятие творчества русского классика турецкими читателями, а также особенности передачи его идей в переводах на турецкий язык. В центре внимания находятся философские и этические вопросы, поднятые Достоевским — преступление, наказание, моральный выбор, вина — и их трансформация в турецком контексте, особенно на фоне социальных и политических изменений XX века. Особое место в исследовании занимает анализ переводческой практики. Рассматриваются работы таких турецких переводчиков, как Лейла Шенер и Сабри Гюрсес, внесших заметный вклад в формирование восприятия Достоевского в Турции. Отдельное внимание уделено роли французского языка как посредника между оригиналом и турецким читателем, что существенно влияло на интерпретацию философских и моральных концептов.

В статье предлагается сопоставительный анализ романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866) и рассказа Самета Агаоглу «Человек в камере» (*Hücredeki Adam*, 1958) в рамках сравнительного литературоведения и интертекстуальных исследований. Методологической основой работы служат концепция гипертекстуальности Ж. Женетта и ключевые положения эстетики рецепции (Х.-Р. Яусс, В. Изер). Анализ сосредоточен на трансформации тем преступления, наказания, совести и судьбы, а также на особенностях психологической организации персонажей, повествовательных стратегиях и роли культурно-исторического контекста в формировании смыслов.

Проведённое исследование показывает, что при общей тематической направленности оба текста по-разному конструируют напряжение между преступлением и совестью: у Достоевского оно связано с возможностью нравственного и духовного преображения личности, тогда как в прозе Агаоглу данное напряжение определяется политическими и социальными условиями, формирующими модель экзистенциальной замкнутости.

* Исследование выполнено за счёт гранта Фонда поддержки научных проектов Кавказского университета (№ 2023-SB-29). Карс, Турция.

^a Prof. Dr., Kafkas University, Faculty of Arts and Sciences, Department of Slavic Languages and Literatures, Kars/Türkiye, firanqiz@yahoo.com

Полученные результаты уточняют специфику рецепции Достоевского в Турции и позволяют выявить трансформирующее влияние его философско-этической проблематики на турецкую литературу XX века, расширяя тем самым исследовательские возможности сравнительного и философского анализа художественного текста.

Ключевые слова: Русская литература, Достоевский, *Преступление и наказание*, перевод, философия, этика, межкультурная коммуникация, литературная рецепция, социальный контекст.

TÜRKİYE'DE SUÇ VE CEZA ROMANININ ALIMLANMASI: ÇEVİRİ, KÜLTÜREL BAĞLAM VE EDEBİ PARALELLİKLER

Öz

Bu makale, Fyodor Mihayloviç Dostoyevski'nin "Suç ve Ceza" ("Преступление и наказание", 1866) adlı romanının Türkiye'deki algısı ve çeviri tarihindeki konumunu incelemekte ve özellikle eserin Türkçeye aktarımı ile kültürel bağlamda yeniden yorumlanma biçimlerini ele almaktadır. Çalışma, Rus edebiyatı klasığı Dostoyevski'nin eserlerinin Türk okuyucular tarafından nasıl algılandığını belirleyen kültürel, tarihsel ve sosyal faktörleri ve bu fikirlerin Türkçeye aktarılmasındaki çeviri özelliklerini incelemektedir. Araştırmanın merkezinde, Dostoyevski'nin islediği felsefi ve etik konular – suç, ceza, ahlaki seçim, suçluluk duygusu – ve bunların XX. yüzyılın sosyal ve politik değişimleri bağlamında Türk kültüründe nasıl dönüştüğü yer almaktadır. Çalışmada çeviri pratiği de özel olarak ele alınmıştır. Türk edebiyatında Dostoyevski algısının oluşumuna önemli katkılarda bulunan Leyla Şener ve Sabri Gürses'in çevirileri incelenmiştir. Ayrıca, Fransızcaının, orijinal metin ile Türk okuyucu arasındaki ara dil olarak rolü üzerinde durulmuş; bu durum, eserlerin felsefi ve etik kavramlarının yorumlanması ve anlam aktarımını doğrudan etkilemiştir.

Makale ayrıca "Suç ve Ceza" romanının Türk edebiyatına etkisini, Samet Ağaoğlu'nun "Hücredeki Adam" adlı öyküsü üzerinden analiz etmektedir. Her iki eser de suç, ceza ve kader temalarını merkezine alır; kahramanların biyografileri ve eserlerin psikolojik ve dramatik ayrıntıları arasında belirgin paralellikler görülür. Ancak sonuçlar farklıdır: Raskolnikov manevi bir yenilenme şansı elde ederken, Ağaoğlu'nun kahramanı umutsuzluk ve içsel öfke içinde kalır. Bu fark, kültürel bağlamın felsefi ve etik fikirlerin yorumlanmasındaki etkisini ortaya koymaktadır. Sonuç olarak, araştırma, Rus edebiyatının Türkiye'deki algısının kültürlerarası boyutlarını ortaya koymakta, Dostoyevski'nin Türk entelektüel geleneğine etkilerini göstermeye ve karşılaştırmalı edebiyat ve felsefe çalışmaları için yeni araştırma alanları sunmaktadır. Dostoyevski'nin Türkiye'deki algılanması, onun felsefi ve etik düşüncelerinin Türk edebiyatı ve entelektüel geleneği nasıl şekillendirdiğini ortaya koyarken, aynı zamanda Rus klasiklerinin XX. yüzyılın özgün tarihsel ve sosyal koşulları içinde kültürel uyum, ahlaki ikilemlerin yorumlanması ve dönüşüm süreçlerini de yansıtmaktadır.

Bu çalışma, Fyodor Mihayloviç Dostoyevski'nin "Преступление и наказание" (1866) adlı romanı ile Samet Ağaoğlu'nun ilk kez 1958 yılında yayımlanan "Hücredeki Adam" öyküsünü karşılaştırmalı-edebiyat ve intertekstüel analiz çerçevesinde ele almaktadır. Metodolojik olarak, Gérard Genette'in hipertextualité kavramı ile alımlama estetiğinin (Jauss, Iser) temel ilkeleri esas alınmış; suç, ceza, vicdan ve kader temalarının iki metindeki konumlansı, karakterlerin psikolojik yapılanması, anlatı stratejileri ve kültürel bağamların dönüştürücü

etkisi sistematik olarak karşılaştırılmıştır. Analiz, her iki eserin merkezinde yer alan suç ve vicdan geriliminin farklı kültürel çerçevelerde nasıl yeniden kurulduğunu ortaya koymaktadır. Dostoyevski'nin kahramanı Raskolnikov, ahlaki çöküş ve bireysel hesaplaşma sürecinin sonunda manevi bir yenilenmeye yönelikken, Ağaoğlu'nun "Hücredeki Adam"daki anlatıcı figürü siyasal ve toplumsal baskınların belirlediği bir atmosferde umutsuzluk, içsel öfke ve çıkışsızlık içinde kalır. Bu karşılıklık, etik ve felsefi sorunların kültürel bağlam tarafından nasıl yeniden yorumlandığını açık bir biçimde göstermektedir. Araştırmancının sonuçları, Rus klasik edebiyatının Türkiye'deki algısının kültürlerarası dinamiklerle şekillendiğini; Dostoyevski'nin felsefi ve etik düşüncesinin XX. yüzyıl Türk edebiyatında hem estetik hem düşünSEL düzeyde dönüştürücü bir etki yarattığını; ayrıca modern Türk edebiyatının ahlaki ikilemleri işleyiş biçiminde yeni semantik alanlar açtığını ortaya koymaktadır. Bu çerçevede çalışma, hem Dostoyevski'nin Türkiye'deki alımlanışına dair özgün bir katkı sunmakta, hem de karşılaşmalı edebiyat ve felsefi edebiyat incelemeleri için yeni araştırma imkânları sağlamaktadır.

Anahtar kelimeler: Rus edebiyatı, Dostoyevski, Suç ve Ceza, çeviri tarihi, edebiyat alımlaması, kültürel uyum, metin analizi, karşılaşmalı edebiyat.

THE RECEPTION OF DOSTOEVSKY'S *CRIME AND PUNISHMENT* IN TURKEY: TRANSLATION, CULTURAL CONTEXT, AND LITERARY PARALLELS

Abstract

This article is dedicated to the study of the reception and translation of Fyodor Dostoevsky's works in Turkey, with a particular focus on *Crime and Punishment*. The paper examines the cultural and historical aspects that shape the perception of the great Russian writer's works in the Turkish context. It analyzes the process of translating his works into Turkish. The study addresses the challenges of translating Dostoevsky's philosophical and ethical concepts, such as crime, punishment, and moral choice, into the cultural and social context of Turkey, particularly in light of the historical and political changes of the 20th century. The article includes a review of the translation practices and efforts of Turkish translators such as Leyla Şener and Sabri Gürses, whose works played a key role in shaping the literary reception of Dostoevsky in Turkey. Special attention is given to the role of the second language, French, as an intermediary between the original text and the Turkish reader. The influence of Russian literature on the Turkish intellectual tradition and its reception within the context of Turkish society is examined, providing deeper insights into the characteristics of intercultural communication and literary transformation.

The paper also examines the symbolic presence of Dostoevsky in Turkish culture, as illustrated by examples such as the use of the name Raskolnikov in a symbolic context, highlighting the significance of his works within a broader cultural context. The article concludes that the study of translations of Dostoevsky's works in Turkey not only contributes to the development of Turkish literature and philosophy but also opens new horizons for intercultural research.

This study examines Fyodor Mikhailovich Dostoevsky's novel *Преступление и наказание* (1866) (*Crime and Punishment*) and Samet Ağaoğlu's short story *Hücredeki Adam*, first published in 1958, within the framework of comparative literature and intertextual analysis. Methodologically, it is grounded in Gérard Genette's concept of *hypertextualité* and the fundamental principles of reception aesthetics (Jauss, Iser); it systematically compares the

positioning of the themes of crime, punishment, conscience, and fate in both texts, the psychological construction of the characters, the narrative strategies, and the transformative impact of cultural contexts. The analysis demonstrates how the tension between crime and conscience, which stands at the centre of both works, is reconstructed in different cultural frameworks. While Dostoevsky's protagonist Raskolnikov moves toward spiritual renewal at the end of a process of moral collapse and individual reckoning, the narrator figure in Ağaoglu's *Hücredeki Adam* remains trapped in despair, inner rage, and a sense of hopelessness within an atmosphere shaped by political and social pressures. This contrast clearly illustrates how ethical and philosophical problems are reinterpreted through the lens of cultural context. The study's findings reveal that intercultural dynamics shape the perception of Russian classical literature in Turkey, that Dostoevsky's philosophical and ethical thought has exerted a transformative influence on twentieth-century Turkish literature both aesthetically and intellectually, and that modern Turkish literature has opened new semantic fields in its treatment of moral dilemmas. Within this framework, the study offers an original contribution to the understanding of Dostoevsky's reception in Turkey and provides new research possibilities for comparative and philosophical literary studies.

Keywords: Russian literature, Dostoevsky, Crime and Punishment, translation history, literary reception, cultural adaptation, text analysis, comparative literature.

Введение

Начать представляется возможным с одного примечательного факта, который, хотя и не относится напрямую к сфере литературоведческих исследований, в контексте заявленной темы приобретает аналитическую значимость. В историческом центре города Карс, традиционно связанного с Россией, на фасаде здания старых турецких бань фиксируется вывеска с надписью «Раскольников». В непосредственной близости располагается также информационная табличка, свидетельствующая о посещении данного места А. С. Пушкиным.

Интерес к ономастическим аспектам делает актуальным выяснение происхождения названия: по словам владельца заведения, ресторан назван в честь персонажа Родиона Раскольникова, который является его любимым литературным героем. Кстати, в Карсе есть и другой ресторан с игровым залом под названием «Достоевский». Однако для научного анализа интерес представляет не сам факт существования вывески, а то, что он отражает шире: глубокий и продолжительный интерес турецкой аудитории к творчеству Ф. М. Достоевского. Во-первых, роман «Преступление и наказание» продолжает оставаться одним из самых популярных произведений русской литературы среди турецких читателей, что делает его интересным объектом изучения культурной трансляции и межкультурного влияния. Во-вторых, исторические и социальные связи России и Турции создают особый контекст восприятия русской литературы. Турецкие писатели и читатели проявляли и продолжают проявлять устойчивый интерес к русским авторам, что отражается в переводах, критике, публикациях и культурных практиках. Несмотря на популярность произведений Достоевского,

систематическое изучение их рецепции в Турции до настоящего времени остаётся фрагментарным. Существует пробел в понимании того, какие исторические, культурные и литературные факторы формируют интерес турецких читателей именно к «Преступлению и наказанию» и почему персонажи Достоевского, такие как Родион Раскольников, становятся культурными символами.

Цель работы — провести анализ рецепции романа «Преступление и наказание» в Турции, выявить историко-культурные и литературные основания этой популярности, а также проследить влияние переводов и культурных практик на формирование восприятия турецкой аудиторией. Исследование позволяет:

1. Заполнить существующий пробел в изучении турецкой рецепции русской литературы.
2. Понять механизмы трансляции культурных ценностей через литературу.
3. Проанализировать роль художественного текста в формировании межкультурного восприятия и культурной памяти.

И вновь напрашивается вечный вопрос: почему Достоевский? Почему Достоевский продолжает жить в нас? Почему, отвечая на вопрос о любимом писателе, турецкий читатель называет Ф. М. Достоевского, а любимым персонажем называет Раскольникова? В этой связи вспоминаются слова турецкого писателя Зюльфю Ливанели: «Если спросить у любого турка, кто самый близкий народ для Турции, то, конечно, любой человек ответит, что русские».¹ Выявление глубинных оснований и историко-культурных предпосылок подобного утверждения представляется теоретически значимой задачей.

Зюльфю Ливанели подчеркивает также, что после установления Республики турецкие писатели стали смотреть в сторону России, на русских писателей и «самое большое воздействие на турецкую литературу, конечно, по сей день оказывает Достоевский». В творчестве гениального писателя Достоевского отражено не только прошлое человечества, но и показано его будущее; писатель вышел за границы своего времени, предугадав многие исторические события XX века и остро обозначив в своем творчестве вечные вопросы человеческого бытия. Изучая Достоевского сегодня, можно понять перспективы развития человечества в будущем. Кстати, юбилейный год великого русского писателя в Турции был ознаменован большими исследовательскими событиями и работами: были проведены международные конференции, изданы специальные многотомные выпуски, посвященные творчеству Ф. М. Достоевского.

1) О вопросах перевода романа «Преступление и наказание» на турецкий язык.

В данной статье ставится задача проследить историю переводов романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского на турецкий язык, а также проанализировать ключевые аспекты его рецепции в турецкой литературе, при

¹ Zülfü Livaneli, "Dostoyevskiy osen' vajen dlya turetskikh pisateley," *God literaturi* (2018), erişim 13.08.2025, <https://godliteratury.ru/articles/2018/06/25/zulfi-livaneli-dostoevskiy-ochen-v>

этом особое внимание уделяется интерпретации мотивов романа в прозе Самета Агаоглу как одному из наиболее показательных примеров культурного и эстетического отклика на произведение.

Как пишет Ш. Сапдаг в книге «Русская литература XIX века в турецких переводах» роман «Преступление и наказание» является самым популярным произведением русской литературы в Турции.² Анализ переводческих процессов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в Турции осуществляется на пересечении нескольких теоретических подходов. С одной стороны, рецепция текста рассматривается в рамках альтернативной эстетики восприятия (Reception Aesthetics), предложенной Хансом Робертом Яуссом и Вольфгангом Изером, где центральным объектом анализа является не только текст как автономная структура, но и его динамическое взаимодействие с читательским горизонтом ожиданий, культурными предпосылками и историческим контекстом. С другой стороны, перевод рассматривается как культурная и политическая практика, следуя моделям Эвен-Зохара («полисистемная теория») и Лефевра, а также Тури, для которых переводческая деятельность является инструментом культурной перестройки и идеологического посредничества, а не только точной лингвистической репликации исходного текста. С позиции Венути, переводчик выступает активным агентом, формирующим восприятие иностранной литературы в целевой культуре, балансируя между стратегиями «невидимого перевода» и сохранением культурной инаковости исходного текста. Это особенно важно при анализе романа «Преступление и наказание», поскольку текст насыщен ономастическими, религиозными и социальными кодами, не имеющими прямых аналогов в турецком культурном контексте, что делает интерпретацию и рецепцию произведения в иной культурной среде особенно сложной и значимой для исследования. Переводчик вынужден решать ряд методологических дилемм: как передать психологическую глубину имен персонажей, их социальный статус, религиозные и этические нюансы, не искажая при этом авторскую интенцию и не нивелируя философскую глубину произведения.

Особое внимание уделяется деятельности турецких переводчиков, внесших значительный вклад в освоение романа Достоевского в Турции: Хайдара Рыфата (первый полный перевод романа, 1933), Хасана Али Эдиза (переиздания и адаптации), Лейлы Шенер (серия современных переводов с 2005 по 2016 год), Сабри Гюрсеса (завершенный перевод 2015 года) и Угура Буке (работа над полным собранием сочинений Достоевского и Чехова).

Таким образом, в данной работе перевод рассматривается не только как лингвистический акт, но и как культурный процесс, включающий:

1. Передачу культурных кодов — адаптацию пространственных, социальных и классовых маркеров романа к турецкой культурной среде;
2. Трудности передачи ономастических элементов — функциональные и

² Sh. Sapdag, *Russkaya literatura XIX veka v turetskih perevodah* (İstanbul, 2012), 28–45.

- психологические аспекты русской антропонимической системы;
3. Религиозно-этические термины — передача православно-христианской этики и философских концептов, непривычных турецкому читателю; Эдиза
 4. Взаимодействие с читательским горизонтом — интерпретацию перевода через призму ожиданий, культурного опыта и идеологических предрассудков турецкой аудитории.

Применение этой междисциплинарной методологии позволяет сочетать историко-описательный анализ переводов с структурно-теоретической интерпретацией и обеспечивает целостное понимание того, как «Преступление и наказание» стало ключевым элементом турецкой литературной культуры и объектом активного культурного посредничества.

Известный исследователь творчества Ф. М. Достоевского, а также переводчик его романов, в том числе романа «Преступление и наказание» Лейла Шенер подчеркивает, что «влияние творчества Ф. М. Достоевского на турецкую литературу является одной из центральных тем турецко-русских литературных отношений».³ В 1961 году Арсланом Кайнардагом была создана библиография по творчеству Ф. М. Достоевского.⁴ В юбилейном двухтомном издании, подготовленном в честь 200-летия со дня рождения великого русского писателя, Жаля Гюль Чорук представила расширенную и дополненную библиографию по творчеству писателя в Турции.⁵

В целом о творчестве Ф. М. Достоевского написано более 30 диссертаций, большинство из которых написаны вне филологических отделений. О творчестве автора написано более 40 книг, и более 130 научных статей. Что касается переводов и переизданий произведений Ф. М. Достоевского, то их количество впечатляет масштабом, их около 570. Обозначив литературный перевод как «центральный предмет в истории восприятия иностранной литературы в любой национальной среде», Тюркан Олджай в статье, посвященной рецепции переводов русских литературно-художественных произведений в Турции, анализирует историю переводов с 1884 года до наших дней и останавливается на переводах Ф. М. Достоевского на турецкий язык.⁶

Как известно, первые переводы романов Достоевского в Турции осуществлялись посредством французского языка. Хотя профессиональных переводчиков с русского языка в Турции ещё не было, к 1918 году турецкие читатели уже знакомятся с произведениями Достоевского, начиная с повести

³ Leyla Şener, “Retsepsiya romana F. M. Dostoyevskogo v turetskoy literature XX–XXI vekov,” *Problemi istoriçeskoy poetiki* 19/4 (2021): 331.

⁴ Arslan Kaynardağ, “Türkçe Dostoyevski Çevirilerinin, Dostoyevski ile İlgili Türkçe Kitap, Makale ve Tezlerinin Bibliyografyası,” *Yıllık 1962 içinde* (İstanbul: *Türk Edebiyatçılar Birliği*, 1962), 145.

⁵ Jale Gül Çoruk, “F. M. Dostoyevski’nin eserlerinin çevirileri ile yazar hakkında yazılan kitap, makale ve tezlerin bibliyografyası,” *Hece Dergisi*, Dostoyevski Özel Sayısı 301/2 (2022): 1179.

⁶ Türkan Olcay, “Retsepsiya perevodov russkih literaturno-hudojestvennyh proizvedeniyah v Turtsii,” *Uluslararası Rusya Araştırmaları Dergisi* 3/5 (2010): 23.

«Белые ночи». Впоследствии появляются переводы и других его произведений. Роман «Преступление и наказание» впервые был переведен на турецкий язык в 1933 году Хайдаром Рыфатом.

Исследуя историю переводов Ф. М. Достоевского в Турции М. М. Репенкова приводит имена наиболее известных турецких переводчиков Ф. М. Достоевского, начиная с первой половины XX века, а также автором предпринимается попытка выделить периоды в истории переводческого дела в стране вообще и в истории переводов Ф. М. Достоевского, в частности. Профессиональные переводчики появляются в Турции благодаря проекту министра образования Турции Хасана Али Юджеля, «которому в 1939–1946 гг., несмотря на все трудности военного времени, удалось получить государственные субсидии на переводы классиков мировой литературы».⁷ К переводу романа «Преступление и наказание» неоднократно обращался Хасан Али Эдиз, который был видным писателем, журналистом и переводчиком.

Русист и известный переводчик Лейла Шенер посвятила свою жизнь переводам русской классики, она переводила и Ф. М. Достоевского. В 2005 году был издан перевод «Преступления и наказания», в 2014 – «Белые ночи», «Бесы», «Хозяйка», в 2015 – «Записки из Мертвого дома», в 2016 – «Идиот» и вновь был переиздан роман «Преступление и наказание». Имея возможность спросить лично у Лейлы Шенер по поводу причин выбора именно романа «Преступление и наказание» для перевода, был получен такой интересный ответ, что хочется им поделиться без сокращений: «Получивший в 1998 году Нобелевскую премию Жозе де Саузо Сарамаго говорит: Писатель создает на своем языке национальную литературу. Переводчики – мировую» (Из личной переписки с Лейлой Шенер). Иначе говоря, без переводчиков не было бы и мировой литературы». Переводческая деятельность – занятие очень сложное, оно требует от переводчика терпения и в известной степени отстраненности от происходящих событий. Терпение и некоторая самоотстраненность от окружающей жизни – самые главные черты хорошего переводчика. Кроме этого, он должен быть хорошим читателем. Переводчик, преодолевший определенный жизненный путь, несомненно, понимает, что переводимое им произведение это не просто набор слов, который следует перевести. Переводчик должен знать историческую и социальную среду, культурную атмосферу того периода, когда использовались оба языка, знать богатство этих языков, чувствовать тонкости языков, а также иметь талант, чтобы воспроизвести эти знания при переводе». Лейла Шенер считает, что перевод произведений Достоевского очень сложен. Его произведения находятся в ряду сложнейших для перевода. Но это касается не только перевода, но и понимания. «Мои мысли по поводу романа «Преступление и наказание» полностью совпадают

⁷ Mariya Repenkova, “Perevodi F. M. Dostoyevskogo v Turtsii. K istorii voprosa,” *Materialı Mejdunarodnoy konferentsii “Naslediye F. M. Dostoevskogo v Natsional’nih kul’turah” k 200- letiyu so dnya rojdeniya F. M. Dostoyevskogo 1 içinde*, ed. Firengiz Paşayeva Yunus & Yalçın Yunus (Ankara: Sonçağ, 2022), 223.

с мыслями Ф. М. Достоевского по поводу романа «Дон Кихот»: «Во всем мире нет глубже и сильнее этого сочинения. Это пока последнее и величайшее слово человеческой мысли, это самая горькая ирония, которую только мог выразить человек, и если б кончилась земля, и спросили там, где-нибудь, людей: «Что вы, поняли ли вашу жизнь на земле и что об ней заключили?» — то человек мог бы молча подать Дон-Кихота: «Вот мое заключение о жизни и — можете ли вы за него осудить меня?»⁸ По-моему, для переводчика очень важно найти писателя, с которым он «на одном языке говорит», то есть имеет похожее мировоззрение, имеет похожие ценности, возможно, это его задача, его предназначение. Если ты однажды находишь своё произведение и своего автора, твоя задача облегчена, единственное, что тебе нужно сделать написать снова на своём языке это произведение» (Из личной переписки с Лейлой Шенер).

Интересны были ответы и другого переводчика произведений Достоевского на турецкий язык Сабри Гюрсеса о причинах выбора именно романа «Преступление и наказание» для перевода. Переводчик сообщил, что роман им был завершен в 2015 году, перевод занял два года. Сабри Гюрсес поделился своими мыслями по поводу романа: «Роман настолько любим и известен в нашей культуре, что терять ничего нельзя. Можно добавить что-то еще. По определенным причинам предисловие к этой книге написано не было. Обычно я пишу предисловия ко всем своим переводам Достоевского, но с этим не определился. Я не хотел влиять на читателя своими собственными идеями и интерпретациями. Например, у меня есть сомнения относительно того, действительно ли было совершено убийство, я не хотел писать об этом в предисловии, но позже выразил это в других статьях. Я также сделал несколько удачных открытий относительно некоторых моментов и деталей, которые внес в свой перевод» (Из личной переписки с Сабри Гюрсесом).

С точки зрения С. Гюрсеса, так как роман «Преступление и наказание» является продуктом городской жизни, самое сложное было при переводе передать на турецкий язык городскую жизнь. В романе изображено множество визуальных элементов: улицы, здания, интерьеры домов, мебель, одежда. Это все вещи, принадлежащие городу, который описывается в произведении, и их трудно передать тому, кто их никогда не видел. Если читатель не знаком с подобными описаниями, не видел фильмов или иллюстраций, его понимание будет ограниченным. Хотя, с другой стороны, может и казаться что интерьер не важен у Достоевского, а читатель в любом случае переносит всё прочитанное на те места, где проживает сам.

Одним из сложных моментов также при переводе становятся имена героев, хотя они очень важны в переводах значение никак не передается. Эта проблема существует не только в переводах романов, написанных на русском языке, но и во

⁸ Fyodor Mihaylovič Dostoyevskiy, *Dnevnik pisatelya. 1876. Sobraniye sočinenii v 15 tomah*. Tom 13 (Leningrad: Nauka. Leningradskoye otdeleniye, 1988–1996), 29.

всех переводах. Переводчики не задаются вопросом, почему выбрано то или иное имя. С русскими именами еще сложнее, потому что при сокращённых и пейоративных формах русские имена становятся очень непонятными. Если переводить говорящие имена, то возникает ощущение переноса действия в турецкий контекст, и теряется связь с русской культурой, ведь имя становится в литературном тексте выразителем культуры.

Сабри Гюрсес повествуя о сложностях перевода останавливается на религиозных терминах, которые отсутствуют в турецком языке. Сложности связаны с решением переводчика по поводу того, как передать эти термины: подбирать эквивалент или давать комментарий.

Роман «Преступление и наказание» вышел на турецком языке как раз в тот момент, когда Турция переживала бедность и внутренние раздоры, которые в своё время переживали Россия. И по этой причине роман Достоевского становится одним из любимых произведений турецкого читателя. По мнению исследователей творчества Достоевского большой интерес к роману в Турции связан с тем, что показ социального дна, данный Достоевским, отсутствовал в турецкой литературе того времени, немаловажную роль сыграл и детективный жанр романа.

Издание полного собрания сочинений Достоевского планируется известным переводчиком Угуром Буке, об этом и сходствах и различиях в русском и турецком языках переводчик рассказывает в своем интервью «Литературной газете».⁹ Он же недавно завершил перевод полного собрания сочинений А. П. Чехова.

2) К вопросу о рецепции романа «Преступление и наказание» в турецкой литературе.

Полный анализ рецепции романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в турецкой литературе выходит далеко за рамки одной статьи, учитывая многочисленные переводы, критические статьи и художественные интерпретации, созданные на протяжении более чем века. В рамках данного исследования внимание сосредоточено на конкретной линии влияния, представленной в прозе Самета Агаоглу. Этот выбор обусловлен как значимостью творчества автора для турецкой литературы XX века, так и уникальностью способов, с помощью которых Агаоглу интерпретирует психологическую и философскую проблематику Достоевского.

Одной из критических оценок литературной деятельности Самета Агаоглу, подтверждаемой самим автором в воспоминаниях, является указание на значительное влияние Достоевского в его произведениях, вплоть до частичного подражания ему, что позволяет рассматривать тексты Агаоглу в ключе интертекстуального анализа. На это Агаоглу отвечает следующим образом: «Меня критикуют за то, что я нахожусь под влиянием Достоевского. Говорят, что герои

⁹ Uğur Büke, “Perevernutye predlojeniya: O shodstvah i razlichiyah među russkim i turetskim yazikami,” *Literaturnaya gazeta*, no. 14 (6929) (April 12, 2024), erişim 13.08.2025, https://lgz.ru/article/-14-6929-10-04-2024/perevernutye-predlozheniya/?fbclid=Iw2xjawCGNBVHcm004hq69Vq29I_2e52Gf2JkmMXs93rUn_9nhTc_i5R6nvlUraOUz1Lz

моих рассказов похожи на героев его романов, при этом добавляя, что я якобы ещё и «мечтатель». По нашему мнению, Достоевский — величайший романист мира, и быть под его влиянием естественно для любого писателя; сам он, в свою очередь, находился под влиянием Бальзака. Конечно, сцены и обстоятельства различны. Позвольте вновь упомянуть одну мою фантазию: если души существуют и переходят от умерших к живым, я воображаю, что одна и та же душа в разные эпохи могла воплотиться в скульптуре — у Микеланджело, в музыке — у Бетховена, а в романе — у Достоевского. Удивительно, что и внешне их изображения чем-то схожи. Мои герои вовсе не фантазии; они — люди, живущие в обществе».¹⁰ Таким образом, Агаоглу открыто признаёт влияние Достоевского, но подчёркивает, что это влияние не сводится к простому подражанию. В отличие от Достоевского, он стремится показать человека «в его нагом виде», акцентируя внимание на внутренней свободе и духовной структуре личности.

Как видно, Самет Агаоглу открыто признаёт влияние Достоевского. В другом своём тексте он указывает, что читает его с пятнадцати лет, и поэтому влияние неизбежно. Однако он отвергает обвинения в подражании. По его словам, он отличается от этого русского писателя тем, что в своих рассказах «всегда берёт человека в его нагом виде» и подчёркивает, что «источник и основание каждой человеческой способности — Бог».¹¹ Это особенно очевидно при чтении его произведений. Во вступлении к книге «Человек в камере» Агаоглу называет Достоевского «великим психологом-романистом» и широко использует психологический анализ в собственных текстах. Однако если Достоевский отражает психологию человека в связи с обществом, в котором тот живёт, то Агаоглу исследует внутренний мир через призму индивидуальной свободы и внутренней автономии персонажа.

В рассказах Агаоглу создаётся впечатление человека, глубоко погружённого в собственные мысли, воспоминания и переживания, но при этом не находящего возможности выйти за пределы этого замкнутого внутреннего мира. Читатель наблюдает за непрерывным анализом персонажем своих эмоций и поступков, без перспективы достижения светлого будущего или изменения обстоятельств. Такое построение внутреннего пространства создаёт впечатление, что герои пребывают в состоянии постоянной интроспекции, где личная жизнь и социальные взаимодействия оказываются вторичными по сравнению с внутренним опытом, а динамика повествования развивается преимущественно через внутренние размышления. Психическая реальность человека в произведениях Самета Агаоглу отличается глубиной и сложностью, и её исследование в литературной форме требует от автора значительной творческой смелости. Литературные приёмы, применяемые Агаоглу в этом «лабиринте» внутреннего мира через форму рассказа, отражают влияние Достоевского и способны вызывать у читателя ощущение нереальности и тщетности человеческого опыта, подчёркивая интертекстуальные

¹⁰ Samet Ağaoglu, *İlk Köşe* (İstanbul: Ağaoglu Yayınevi, 1978), 130.

¹¹ Ağaoglu, *İlk Köşe*, 8–9.

связи и экзистенциальную глубину произведения. Однако у этого лабиринта нет заранее определённого конца или стабильной структуры. Если исходить из авторского утверждения, что «источник и основание каждой человеческой способности — Бог», такое состояние остаётся вне пределов рационального анализа и научного осмысления. Поэтому интерпретация рассказов Агаоглу представляется более продуктивной в слегка метафизической перспективе, как попытка проникновения в глубины человеческой психики через художественную форму.

В конце книги «Первый поворот» Агаоглу оценивает собственную литературную биографию следующим образом: «Всему тому, что я рассказал, я дал название “литературные воспоминания”. Но на самом деле это — люди, лица, голоса из разных сцен моей жизни. Хорошо, пусть, следуя создаваемому новому турецкому языку, скажу “история моей жизни”. Хорошо, плохо — но я лишь один из рассказчиков эпохи. Те, кому понравилось написанное мной, говорили: “Если бы он не пошёл в политику, мог бы создать великие произведения”. Одни, кто не любит мои рассказы, и другие — политические противники, с которыми я сталкивался, не стеснялись критиковать меня, утверждая, что я бездарный подражатель Достоевского. Они говорили, что люди, которых я создаю, — это никто иные, как я сам, загнанный противоречиями. Но я никогда не считал себя художником. Я просто человек, любящий искусство».¹²

В «Человеке в камере» он использует глубокий психологический анализ, аналогичный методу Достоевского, однако фокус смешён на индивидуальный внутренний мир через призму свободы личности. В то время как Достоевский раскрывает психологию человека в контексте общества, Агаоглу исследует внутренний мир героя, ограниченного физической камерой, но обладающего безграничной внутренней рефлексией.

Сюжет «Человека в камере» охватывает восемь месяцев заключения. В начале герой испытывает глубокую тоску и рассчитывает, что преодоление первого дня облегчит дальнейшую жизнь. Постепенно он привыкает к условиям камеры, заботится о чистоте вещей, перенимая привычки, ранее ему кажущиеся ненужными, и начинает осознавать последствия убийства. Несмотря на адаптацию, его не покидают сны и видения, усиливающие чувство усталости, и формируется фаталистическое ощущение судьбы. Герой размышляет: если убийство было предопределено Богом, в чём его вина? Внутренние переживания переплетаются с воспоминаниями о прошлом и планами на будущее, однако пребывание в камере изменяет его внутренний мир, усиливая отчуждение и раздражение к окружающим.

Психологическая глубина героя демонстрирует ограниченность внешней свободы и расширение внутренней, что создаёт напряжённое взаимодействие двух аспектов человеческого «я». Его переживания, интроспекция и самообвинения

¹² Ağaoglu, *İlk Köşe*, 130.

формируют уникальную психическую динамику, которую целесообразно рассматривать в несколько метафизической перспективе, учитывая религиозные и экзистенциальные рефлексии персонажа. Психическая реальность героя настолько сложна, что усиление шагов в этом внутреннем лабиринте требует мужества; одновременно ограниченность внешней свободы трансформирует его воображение и восприятие окружающего мира.

Влияние Достоевского проявляется в тематическом и композиционном сходстве: оба произведения исследуют преступление, наказание, внутренние переживания и нравственные дилеммы. При этом различие заключается в исходе героев: Раскольников, несмотря на преступление, получает возможность духовного возрождения, в то время как герой Агаоглу остаётся в состоянии отчаяния, ненависти и внутренней изоляции. Таким образом, влияние «Преступления и наказания» на Агаоглу проявляется не только в схожих образах и психологических методах, но и в переработке морально-философских вопросов с учётом личного опыта автора. И Раскольников, и человек в камере, бросают юридический факультет по причине материальных проблем. Агаоглу сам неоднократно подчеркивает, что его образы похожи на образы Достоевского. Примечательное сходство обнаруживаем при описании персонажа, при описании убийства своих жертв Раскольниковым и человеком в камере. Как поразительно похожи описания комнаты Раскольникова и человека из камеры, описание стен, потолка. Интересно, что в предисловии к своему произведению Агаоглу пишет: «Тюрьмы, ссылки, изгнания тоже подобны могилам. После долгого пребывания в этих местах вернувшиеся оттуда люди создают вокруг себя тот же страх. Поэтому великий психолог романист Достоевский называет тюрьмы «мёртвыми домами».¹³ Интертекстуальная ссылка к Достоевскому, появляющаяся уже в предисловии Агаоглу, требует теоретически более точного осмыслиения. Если следовать пониманию интертекстуальности у Ю. Кристевой, подобная ссылка функционирует как включение текста Агаоглу в пространство уже прочитанного, превращая личный опыт тюремного заключения автора в часть более широкого культурного дискурса о страдании и внутреннем преображении. В терминах Ж. Женетта это можно обозначить как гипертекстуальность, то есть сознательное наложение нового текста на «первотекст», где роман Агаоглу выступает вариацией и одновременно трансформацией «мертвого дома» Достоевского.

В этом контексте возникает вопрос о том, служит ли обращение к Достоевскому способом легитимации собственного тюремного опыта — стремлением поместить его в уже признанную литературную парадигму? Или же Агаоглу сознательно выстраивает «продолжение» экзистенциальной линии Достоевского, создавая гипертекст, который спорит с исходным? В отличие от Достоевского, где возрождение героя мыслится возможным, у Агаоглу конец повествования насыщен ненавистью и отчуждением; отсутствие надежды превращает его текст в контр-аргумент «Преступлению и наказанию», предлагая

¹³ Samet Ağaoglu, *Hücredeki Adam* (İstanbul: Ağaoglu Yayınevi, 1964), 8.

иной вариант «новой жизни» — не как духовного обновления, а как продолжения разрушения. Такая расхожесть финалов подтверждает, что интертекстуальность здесь не декоративна, а структурообразующая, определяющая осевую точку сопоставления двух авторских миров.

В «Человеке в камере» ключевым структурообразующим элементом прозы Агаоглу является сфера грёз. Несмотря на физическую лишённость свободы, персонаж сохраняет возможность безграничного внутреннего, ментального существования. При этом в ограниченном тюремном пространстве особенно явно проявляется взаимодействие между внешним и внутренним «я». Ограничность внешней свободы трансформирует характер воображения героя, который, будучи осуждённым за убийство жены, проходит через интенсивный процесс внутренней рефлексии и непрекращающихся самосудов. В одном из снов он видит отца, склонённого над телом умершего ребёнка — самого себя, что символизирует кульминацию его экзистенциальной самооценки.

Пространство повествования концентрируется вокруг тюремной камеры, описанной как тесная и лишённая удобств: «Это была яма длиной примерно в пять шагов и шириной в три с половиной... В двух метрах над изголовьем нары — маленькое, узкое, зарешечённое окно...»¹⁴ Несмотря на физические ограничения, внутренний мир героя создаёт возможность мысленного выхода за пределы камеры: «Он лежал на носу пурпурного корабля, плывущего по безбрежному, спокойному, безмолвному морю...»¹⁵ Такая динамика внешнего и внутреннего пространств подчёркивает контраст между ограниченной реальностью и свободой сознания, что является важной характеристикой психологической организации повествования.

Сюжет другого рассказа Самеда Агаоглу «Полночь» строится на возвращении героя через двадцать семь лет в город, где он некогда учился. Главная тема — одиночество, которое герой пытается преодолеть через внутренние размышления, воспоминания и общение с женщиной лёгкого поведения. В течение ночной прогулки он делится переживаниями о предательствах, угрызениях совести и детских воспоминаниях, демонстрируя психологическую глубину и мечтательность, характерную для его внутреннего мира. Особое значение имеет влияние литературы, в частности романов Достоевского. Герой спрашивает собеседницу:

«- Например, романы Достоевского. Вы слышали это имя? Ещё бы. Его романы — страшные вещи. Книги, доводящие человека до бешенства, ввергающие в нервные кризы. Но все его герои — лица настоящей жизни. В судьбе некоторых людей такие романы играют особую роль. Они гонят человека за такими желаниями, которых он никогда не сможет достичь. Некоторые качества, которые до сих пор живут во мне, родились именно из этих романов. Они сделали их неизменной частью

¹⁴ Ağaoğlu, *Hücredeki Adam*, 108.

¹⁵ Ağaoğlu, *Hücredeki Adam*, 129.

моей личности».¹⁶

Таким образом, рассказ исследует механизм психологической компенсации одиночества через размышления, мечты и воспоминания, а влияние Достоевского подчёркивает формирование внутреннего мира героя и его восприятие экзистенциальных и жизненных конфликтов.

Анализ прозы Самета Агаоглу демонстрирует явное влияние Ф. М. Достоевского, которое проявляется в психологическом и философском осмыслиении внутреннего мира человека, однако не сводится к подражанию. В его рассказах герои, ограниченные внешними обстоятельствами, обладают богатой внутренней рефлексией, где взаимодействие внешней и внутренней свободы формирует сложную динамику психической реальности. В «Человеке в камере» восьмимесячное заключение порождает состояние интроспекции, фатализма и отчуждения, а внутренний мир героя компенсирует физические ограничения и создаёт «сферу грёз». В «Полночь» одиночество преодолевается через размышления, воспоминания и общение, при этом влияние Достоевского подчёркивается прямой ссылкой героя на его романы: «Например, романы Достоевского. Вы слышали это имя? — Ещё бы... Они стали неизменной частью моей личности». Таким образом, Агаоглу перерабатывает психологические и нравственные мотивы Достоевского через призму собственной художественной и жизненной перспективы, создавая уникальную линию турецкой прозы XX века.

Заключение

История перевода романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в Турции демонстрирует многослойность и сложность межкультурной рецепции. Ранние знакомства с произведением проходили через французские версии, что неизбежно отражалось на восприятии философских, нравственных и психологических концептов. Постепенно формировалась собственная переводческая практика, ориентированная не только на сюжет, но и на внутренний ритм, психологическую глубину и моральные противоречия героев. Перевод в данном контексте предстаёт как интеллектуальная и экзистенциальная задача, требующая сохранения напряжения между грехом и искуплением, свободой и ответственностью, а также корректного соотношения культурных кодов. Особый интерес вызывает психология переводчика: степень личной вовлечённости, внутренний диалог с текстом и осознание нравственно-философских проблем Достоевского.

Влияние «Преступления и наказания» на турецкую литературу наиболее отчетливо проявляется в прозе Самета Агаоглу. Автор признаёт влияние Достоевского, но подчёркивает, что оно не сводится к подражанию: его герои проявляют автономию внутреннего мира и духовной структуры личности, в отличие от социально обусловленной психологии персонажей Достоевского. В «Человеке в камере» ограничение внешней свободы усиливает интенсивность

¹⁶ Ağaoglu, *Hücredeki Adam*, 35.

внутренней рефлексии героя, который переживает интроспекцию, самосуд и экзистенциальные кризисы, сохраняя способность к безграничной ментальной и эмоциональной активности. В рассказе «Полночь» одиночество компенсируется внутренними размышлениями, воспоминаниями и диалогом с женщиной, что подчёркивает психологическую глубину и мечтательность внутреннего мира. Влияние Достоевского проявляется в тематическом и композиционном сходстве — преступление, наказание, моральная дилемма — но Агаоглу трансформирует их через призму индивидуальной автономии и духовной свободы.

На материале прозы Агаоглу феномен рецепции Достоевского следует рассматривать не как отражение общей турецкой интерпретации, а как индивидуальную авторскую стратегию интеграции мотивов Достоевского в художественную ткань произведений. Наблюдаемые особенности адаптации тем вины, наказания и духовного поиска относятся исключительно к творческой модели Агаоглу и не подлежат прямой экстраполяции на турецкую литературу в целом. Такое уточнение масштаба соответствует принципам теории рецепции, согласно которым смысл текста формируется в процессе взаимодействия произведения, автора и культурного контекста. Сопоставление художественных моделей Достоевского и Агаоглу выявляет структурное различие в трактовке экзистенциальных проблем: в романах Достоевского внутреннее преображение героя и возможность духовного очищения создают основной нарративный вектор, тогда как персонажи Агаоглу демонстрируют устойчивую тенденцию к замкнутости и отчуждению, что отражает авторскую интерпретацию свободы воли, нравственной ответственности и предельных ситуаций. Такое различие следует понимать не как национальную характеристику, а как конкретную стратегию переосмыслиния философско-этических проблем, встроенных в художественный контекст Агаоглу.

Применение теории рецепции позволяет рассматривать текст Агаоглу как гетерогенный и динамичный интерпретативный процесс, в котором смысл формируется на стыке авторского замысла, культурного контекста и читательского восприятия. В этом ключе Достоевский выступает ориентиром, задающим проблематику нравственных и экзистенциальных вопросов, а Агаоглу демонстрирует способ авторской адаптации этих мотивов к социально-культурной реальности Турции XX века, что подтверждает концепцию гомологичной, но индивидуализированной интерпретации литературного наследия.

Таким образом, проведенный анализ прозы Агаоглу показывает, что рецепция может быть инструментом конструирования авторского философско-художественного дискурса автора, а не просто примером межкультурного переноса. Внимание к частным авторским стратегиям интерпретации позволяет избежать чрезмерных обобщений и выявить механизмы взаимодействия классического наследия с локальными культурными и интеллектуальными практиками.

Иллюстрации

Илл.1. Ресторан «Раскольников» Карс.¹⁷

Илл. 2. Ресторан «Пушкин». Карс.

Илл. 3. Игорный дом. Карс.

¹⁷ Все фотографии, использованные в статье, выполнены автором лично и представляют собой оригинальные визуальные материалы.

Beyanname:

1. **Etik Kurul İzni:** Etik Kurul İzni gerekmektedir.
2. **Katkı Oranı Beyan:** Yazar, makaleye başkasının katkıda bulunmadığını beyan etmektedir.
3. **Çıkar Çatışması Beyanı:** Yazar, herhangi bir çıkar çatışması olmadığını beyan etmektedir.

Declarations:

1. **Ethics approval:** Not applicable.
2. **Author contribution:** The author declares no one has contributed to the article.
3. **Competing interests:** The author declares no competing interests.

KAYNAKÇA

ЛИТЕРАТУРА

Ağaoğlu, Samet. *Hücredeki Adam*. İstanbul: Ağaoğlu Yayınevi, 1964.

Ağaoğlu, Samet. *İlk Köşe*. İstanbul: Ağaoğlu Yayınevi, 1978.

Büke, Uğur. "Perevernutiye predlojeniya: O shodstvah i razlichiyah mejdu russkim i turetskim yazıkami." *Literaturnaya gazeta*, no. 14 (6929) (April 12, 2024). Erişim 13.08.2025. https://lgz.ru/article/-14-6929-10-04-2024/perevyernutye-predlozheniya/?fbclid=Iw2xjawCGNBYBHcm004hq69Vq29I_2e52Gf2JkmMXs93rUn_9nhTc_i5R6nvlUraOUz1Lz.

Çoruk, Jale Gül. "F. M. Dostoyevski'nin eserlerinin çevirileri ile yazar hakkında yazılan kitap, makale ve tezlerin bibliografyası." *Hece Dergisi*. Dostoyevski Özel Sayısı 301/2 (2022): 1179–1210.

Dostoevskiy, Fyodor Mihayloviç. *Dnevnik pisatelya. 1876. Sobraniye soçinenii v 15 tomah*. Tom 13. Leningrad: Nauka. Leningradskoye otdeleniye, 1988–1996.

Kaynardağ, Arslan. "Türkçe Dostoyevski Çevirilerinin, Dostoyevski ile İlgili Türkçe Kitap, Makale ve Tezlerinin Bibliyografyası." *Yıllık 1962* içinde, 145–149. İstanbul: *Türk Edebiyatçılar Birliği*, 1962.

Livaneli, Zülfü. "Dostoyevskiy osen' vajen dlya turetskikh pisateley." *God literaturi*, June 25, 2018. Erişim 13.08.2025. <https://godliteratury.ru/articles/2018/06/25/zulfi-livaneli-dostoevskiy-ochen-v>

Olcay, Türkan. "Retsepsiya perevodov russkih literaturno-hudojestvennih proizvedeniyah v Turtsii." *Uluslararası Rusya Araştırmaları Dergisi* 3/5 (2010): 23–30.

Repenkova, Mariya. "Perevodi F. M. Dostoyevskogo v Turtsii. K istorii voprosa." *Materiali Mejdunarodnoy konferentsii "Naslediye F. M. Dostoevskogo v Natsional'nih kul'turah"* k 200- letiyu so dnya rojdeniya F. M. Dostoyevskogo 1 içinde, ed. Firengiz Paşayeva Yunus & Yalçın Yunus, 223–230. Ankara: Sonçag, 2022.

Sapdag, Sh. *Russkaya literatura XIX veka v turetskikh perevodah*. İstanbul, 2012.

Şener, Leyla. "Retsepsiya romana F. M. Dostoyevskogo v turetskoy literature XX–XXI vekov." *Problemı istoriçeskoy poetiki* 9/4 (2021): 331–343.

